

— МОЛОДЕЖЬ пошла — дрянь!
— Дрянь!

— Пыль!
— Пыль..

— Беда с молодым нашим поколением, беда! Не нравится мне оно, прямо говорю...

— Все они растут отвратительными эгоистами. Упрямые, самовлюбленные и воображают себя сверхчеловеками!

— Что говорить — поколение с червоточиной! — вторят друг другу сорокалетние персонажи двух последних пьес Виктора Розова «В поисках радости» и «Неравный бой». Конечно же, не все старшие думают так. Но вот поддакивает оборотистому Лапшину спекулянтна Тасяня. Страдальчески и сердито обличает племянника Святослава его тетя Тамара, напуганная простым обстоятельством, что мальчик успел вырасти. Лепит сразмаху свой приговор ему дядя Роман, привыкший рубить сплеча не только мясо на своем мясомбинате.

Нет, Розов не думает стлавивать поколения — в его пьесах размежевание идет вовсе не по линии «старшие — младшие», а по признаку отношения к жизни. Мещанская, корыстная психология не имеет возрастов — так же, как и бескорыстная, высокая...

Все они — Лапшин, Роман и даже Тамара оставляют для молодежи одну только подозрительность, окрик и тощую мораль, считают своим долгом лезть в жизнь молодых. Требуют подчинения и коверкают их душу. Не желая или не умея понять молодежь, они, как Лапшин и Роман, ненавидят ее за это или, как Тамара, смертельно за нее боятся. В лучшем случае они недоумевают: «Вот как все это, оказывается, серьезно! Я не знала, что ты такой... легкомысленный». В худшем — сердятся, что нельзя ударить: «— закон, к сожалению, не разрешает...»

Для Лапшина и Романа юный человек «ясен — как три копейки», да и вообще «еще и не человек». Его первые чувства — «вольности», «занятие», которое надо отложить «до времени», а еще точнее — «пакость».

И что интересно: Лапшин и Роман Заварина готовы размякнуть, поверят, если сын или племянник, уклоняясь от боя, схитрит и на время предстанет перед отцом или дядей «своим». «Котуешь?» — со всепонимающей, чуть ли не ласковой улыбкой спрашивает Роман у Святослава. «Гуляем понемножку», — ответь ему так племянник, и дядя наверняка похлопал бы его по плечу, дал бы ему — по примеру Лапшина — полезный мужской совет: «И не томи себя зря, сухотка будет. Бабы, если они всерьез, — сушат». Ведь недаром же он только что говорил: парню «уж на четвертинку пора»... Но в пьесе Розова «Неравный бой» Святослав отвечает иначе.

Он не хочет лукавить, оправдываться, давать объяснения. Он просто спрашивает: «Дядя Рома, а почему у вас детей нет?» — «Тебе-то что?»

О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

— оторопев, злобно и в то же время растерянно отвечает Роман Тимофеевич. «А вам что?» — снова спрашивает его Слава.

Одна только реплика, но вот уже высечен центральный конфликт пьесы, внесена ясность в его истинную суть.

«Неравный бой» — не только и не просто антимещанская пьеса, хотя здесь есть люди, которых мы называем мещанами, есть столкновение между низменным, «утробным» и высоким, поэтическим. Но это пьеса, написанная прежде всего в защиту достоинства молодежи, в защиту человеческого достоинства вообще.

«Я ни о чем не хочу говорить», — твердо и тихо произносит Святослав в ответ на такое, казалось бы, деликатное предложение тети Тамары потолковать о самых обыкновенных житейских вопросах. «А вам что?» — бросает он вызов дяде Роману. Никому не дано коснуться того, что происходит в душе Святослава. И если он любит Лизу, никто на свете не может этому помешать. «То есть как это — ничего не поделаешь?! Очень даже мы поделаем!» — «Он еще и не человек... Человека-то мы из него только делаем...» — заявляют жена Романа и сам Роман. Вот оно, это знаменитое мещанское «мы». Вот оно, это старое доброе правило обывателя, по которому все надо обломать на свой образец, все привести к общему привычному знаменателю. Зачем тратить время на то, чтобы понять, когда все ясно! Роман привык врываться к человеку в душу без спросу, обливать грязью все то, до чего не сумел подняться сам, искать управы, грозя увесистым кулаком, кричать громко о событиях, которые совершаются в глубине чьей-то души...

И вот первая любовь Святослава Заварина оказывается предметом чуть ли не уголовного разбирательства. Он еще не успел ничего сказать Лизе, а уже заседают шумный семейный совет, изыскивающий средства борьбы с «пакостью», устраиваются ночные засады, готовится публичное «разоблачение». Он не смеет еще поцеловать Лизу, — а ее уже объявляют «гулящей»... Святослава хотят «вытащить», «спасти», его боятся «прозевать», — и все это только потому, что он впервые заявил о своих правах на самостоятельность решений и поступков...

— Сегодня двадцать четвертое августа.

— Сегодня двадцать четвертое августа. И я буду любить тебя всегда — ты это знай, — торжественно, светло звучат слова Лизы и Святослава.

Пройдут годы, наступит зрелость. Но они не забудут этот осенний рассвет, далекие гудки электровоза, пришедшие, запыленные георгины под окнами длинного низкого дома, где они выросли рядом и полюбили друг друга. Не забудут утро новой, теперь

уже взрослой жизни, в которой надо будет отвечать за себя.

Но каковы же эти юные люди, которые так непрерывно требуют уважения? Стоит ли доверять Святославу ключ от входной двери? Может ли тетя Тамара спать спокойно, зная, что мальчик, которому она заменила мать, вырос и в эту ночь ушел куда-то, далеко-далеко от дома? Думается, что это один из самых важных вопросов пьесы Виктора Розова. Вот и в спектакле Центрального детского театра, первым поставившего «Неравный бой», этот вопрос имеет первостепенное значение. Казалось бы, такие приметы юных героев этого спектакля, как чуть-чуть подчеркнутое юношеское высокомерие, напряженная сдержанность поведенья, даже одежда — должны насторожить: уж не следует ли причислить их к разряду «стилягов»? Но режиссер Анатолий Эфрос вместе с драматургом еще раз возвращают нас к старой мысли, что о человеке не стоит судить только по его внешнему облику.

Он распознает за этим примельканным, за внешним глубоким и честным внутренним мир, стремясь покончить с недоверием к молодому человеку, который часто кажется нам плохим, когда мы не берем на себя труд понять его.

Вот почему мы верим словам Григория Степановича, отца Лизы: «Я за Святослава вашего больше, чем за нас с вами вместе, ручаюсь». «...у них хорошо... чистое это... светлое, золотое!»

А ведь так говорит человек, который, казалось бы, должен был думать совсем иное; отец, у которого один сын — вор, второй — бежал из родного дома, в молчанку играет, шесть лет не шлет писем... Но Григорий Степанович знает: виноват в случившемся он, «неумный родитель», который гнул и ломал сыновей. «Неправильную политику против них вел... Дети... они, понимаешь... нежные очень... нажал, значит, потуже... и переломил! Вроде и по-твоему вышло, да потом сам не рад...»

Он не просто живет рядом с дочерью и Святославом, он постоянно и напряженно вглядывается в них. Вот почему этот уже немолодой, жесткий по душевной природе человек находит для Святослава верные слова, убеждает того не «сниходить вниз», выражать свой протест против грубых вмешательств не так, как сделали это его сыновья, а становясь хорошим, честным человеком. Но поглядите, Святослав — Ю. Комаров с трудом слушает даже Григория Степановича. И в этом правда: в такую пору жизни юноша хочет до всего додуматься сам. А Григорий Степанович, каким его сыграл Е. Перов, теперь уже может понять Святослава...

И в пьесе, и в спектакле есть свои недостатки, — быть может, они заметнее, нагляд-

нее, чем недостатки других общих работ Розова и Эфроса. Огорчаешься «голубиной» образов Тихона и Верочки (они не получились у драматурга, а режиссер пока еще не нашел для них убедительного, по всей вероятности мягко комедийного, наполнения). Сожалеешь о той излишней «смачности», которая снижает порой большую актерскую удачу И. Воронова в роли Романа... Но эта новая работа Центрального детского театра отмечена не только верностью хорошо знакомой нам стилистике Розова, но и чуткостью к тому новому, что отличает последнюю по времени пьесу драматурга: неожиданной по склонности к крупному плану, сухой по письму.

В пьесе и спектакле «Неравный бой» люди проходят высокую нравственную проверку. Взрослые — перед лицом юности. Юные — перед лицом жизни. Здесь каждый держит экзамен на трудное искусство уважать себя и других. Здесь каждый проверяет свою верность своему человеческому достоинству.

В. ШИТОВА

Литературный журнал, № 9. IV. 60. Газета

264